

НАТАЛЬЯ ТРОЯНЦЕВА ✧ ВИКТОР ЗАХАРОВ

СЕЙ ЧУДНОЙ АДРИИ УСТОЙЧИВАЯ РАДОСТЬ

Наталья Троянцева

**Сей чудной Адрии
устойчивая радость**

«Aegitas»

Троянцева Н.

Сей чудной Адрии устойчивая радость / Н. Троянцева —
«Aegitas»,

ISBN 978-1-77-246882-3

Поэт и художник погружают вас в прекрасную реальность Адриатического побережья Хорватии. Мягкая выразительность хорватского пейзажа и обаятельное гостеприимство доброжелательных и сильных людей, с любовью воссозданные авторами, рождает у читателя ощущение радостной сопричастности Вечному. Книга иллюстрирует новое направление в современном искусстве, названное авторами симультанный аналитический концептуализм и уже представленное ими в выставочном варианте «Пространства Счастья Времени Любви».

ISBN 978-1-77-246882-3

© Троянцева Н.

© Aegitas

Содержание

Сей чудной Адрии устойчивая радость	8
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наталья Троянцева

Сей чудной Адрии устойчивая радость

Мы хотим поделиться с Вами любовью – самым искренним чувством, которое навсегда утвердилось в наших сердцах, любовью к прекрасной стране Хорватии.

Каждое лето мы возвращаемся в этот чудесный край, а, расставаясь, перебираем в памяти запечатлённые мгновения.

Изумительно дружелюбный сеттер за невысокой оградой, готовый лизнуть в лицо любого, отделившегося от плотного потока туристов в уютном городке Супетар на острове Брач.

Восточно-европейская овчарка, протянувшая случайным прохожим мячик в частном дворике многоярусной Брелы. Там же – чрезвычайно мужественный ослик из дерева, творение талантливого художника, украсившего усадьбу на радостное обозрение всем.

Дистанция внутреннего достоинства в облике высоких стройных мужчин и женщин, похожих на хтонических богинь домашнего очага.

Отзывчивая доброта эмоциональной реакции на просьбу беспомощно жестикулирующего иностранца. Слово «добро» как неременный компонент диалога.

Птицы, жуки, осы, собаки, кошки, морские ежи – естественные и полноправные обитатели уставшего от цивилизации мира, указывающие человеку его подлинное место.

Горы. Море. Дивная древность Дубровника.

Хорватия! Мы навсегда твои благодарные гости.

Нашим душам чудесно в твоём живом просторе, где морем продолжены горы, а небо от моря так близко!

Хвала тебе вечная, рипо hvala!

Наталья Троянцева

Бесподобные, великолепные, словно – неизвестные, нежные и хрупкие, обещающие цветы любви из особого космического лона, где перечисленное становится силой, приобретает смысл, состоит из воздуха и духовного огня: в них образ умственного и физического богаче озарен, чем простое смертное.

Образ, предвидящий будущее и обладающий недоступностью для простого знания.

Этот образ – не форма, а способ видения.

Подсознание стремится ввысь, а духовная листва причудливым кружевом возникает из мглы и света, превращаясь в редкий цветок любви.

Естественная красота земли, моря, пиний, дубов... их жизнь подобна дуновению ветра, превращающего закат-восход светила в неминуемый облик счастья на Адриатическом побережье Средиземноморья.

Душа, пришедшая от звёзд, должна уйти к ним из серебряного леса, стальной глади воды, туманного берега далёка.

Виктор Захаров

Сей чудной Адрии устойчивая радость

* * *

Минута бытия. Прекрасное, живое
Гимн радости поёт.
Неспешная ладья под парусным покоем
Вдоль вечности плывёт.
Гряда летящих круч, ниспосланная Свыше,
Смеется: ну, лови!
Блестящий тонкий луч на водной глади пишет
Историю Любви.

Что там Рим или Греция, видели неандертальцев
Эти ветхие камни с кошачьими спинками гор.

Ярко-рыжее солнце зарю вышивает на пальцах
И послушного вечера мягкий туманится взор.

Вот вернулись – и словно бы не уезжали.
Моря пылкая влага как сочный глоток чистоты.
Лики Южной Далмации точно живые скрижали —
Воплощённая сущность сердечной ее правоты.

* * *

Осень. Над морем течёт
Дымки туманной истома.
Девочка песню поёт
На языке незнакомом.

Чувства свободный полёт
Ценен порывом спонтанным. —
...Смята стихия фонтаном,
Сжата, взята в оборот... —

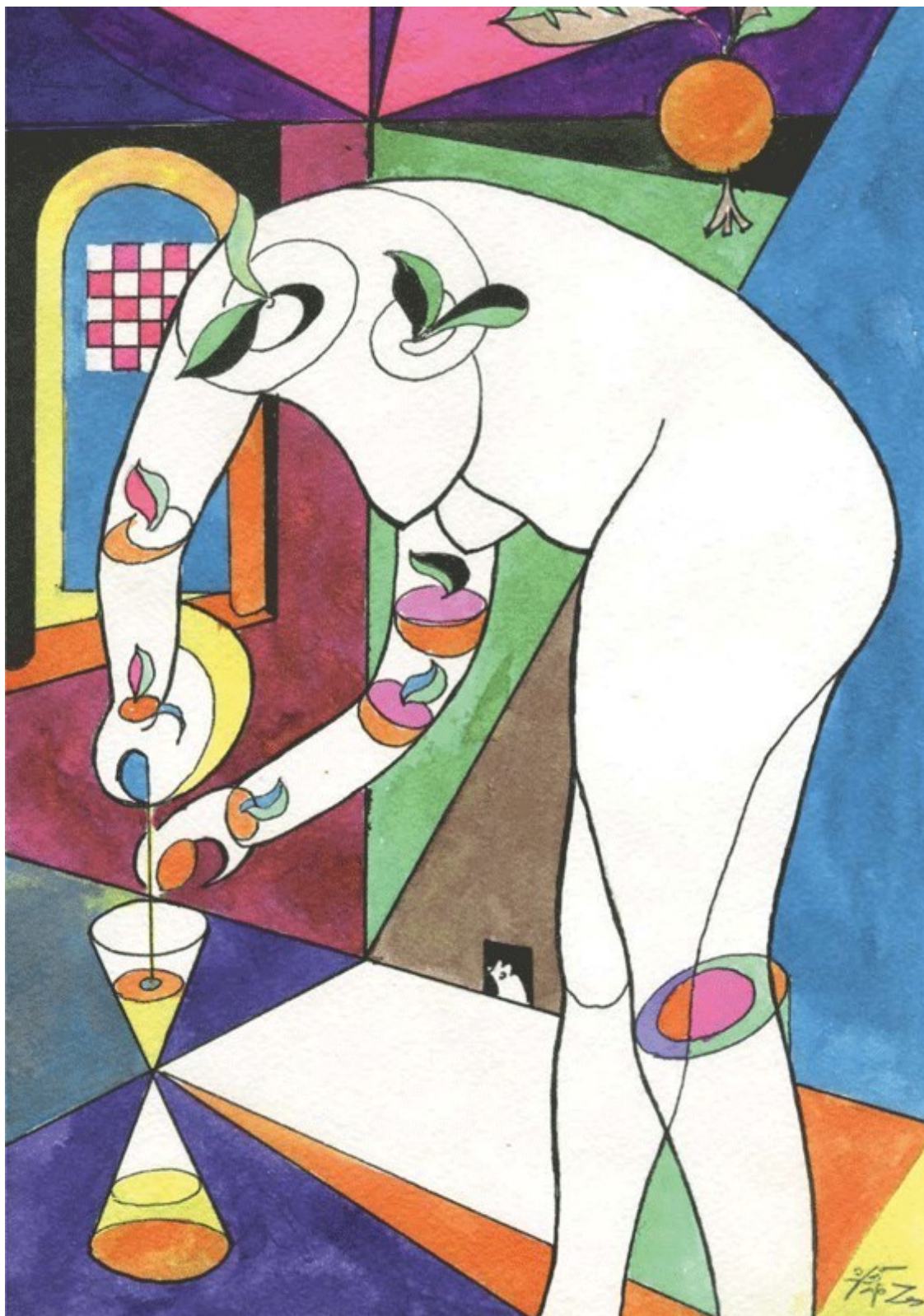
Голос восторгом объят.
Шутка – проблемы и цели.
Блик пасторальных услад
На балюстраде отеля.

Акведук? Мираж? Пантеон? —
Света, моря метаморфозы? —
Неуёмных фантазий розы

Оплетают ночной балкон.

Тихо следует светлячок —
Утюжок на матовой глади.
И реальность никак не сладит
С ощущеньем, что жизнь течёт.

* * *

Сгорбленная гора плавно съезжает в море,
Словно усталый пёс на каменных лапах дремлет.
В шерсти сосновых крон неровные лунки неба —
Лёгкие завитки под ладошками солнца.

Зыбкая плоть небес приобретает плотность.
Ангелы, в облаках – незримые, караулят,
Незаметно хранят, властно оберегают
Дерзкую красоту Адриатики пылкой.

* * *

Море мнёт ветерок, шлёпает, как ребёнок,
шаловливою ручкой по изумлённой глади —

то изумрудной, то синей.
Солнце потоком льстящим льётся,
швырнув чуть дальше вбок блестящие пузырьки.
Спрячь канун расставанья в каменных седых изломах.
Пей тягучее время, глядя, как вечный парус
вечным влечётся ветром.
И море с любовью рифмуй.

* * *

Не охватишь взором полосу горизонта.
Уцепится взгляд за выступ окаменевшей грядки,
Скользит по обрыву. Кактус властелином скалистым
Сентиментально нянчит голубое соцветие.

Пышная сочная зелень лжёт про грустную осень.
Серое межсезонье через «нет» наступает.
Море медленно дышит летним оттенком неба,
Облачных теней смыслы нехотя выдыхая.

* * *

В обрамлении остром на плоскости влажного камня
Проступает лицо. Возглас глаз выразительней полу-
Иль – на четверть – раскрытого рта.
Выражение лика тревожит

Мой настойчивый взор.
Отражение скорби Иова
Иль иного страдания незрелой души затерялось
в пространстве,
Ожидая нечаянной встречи с возможностью вдруг
состояться...

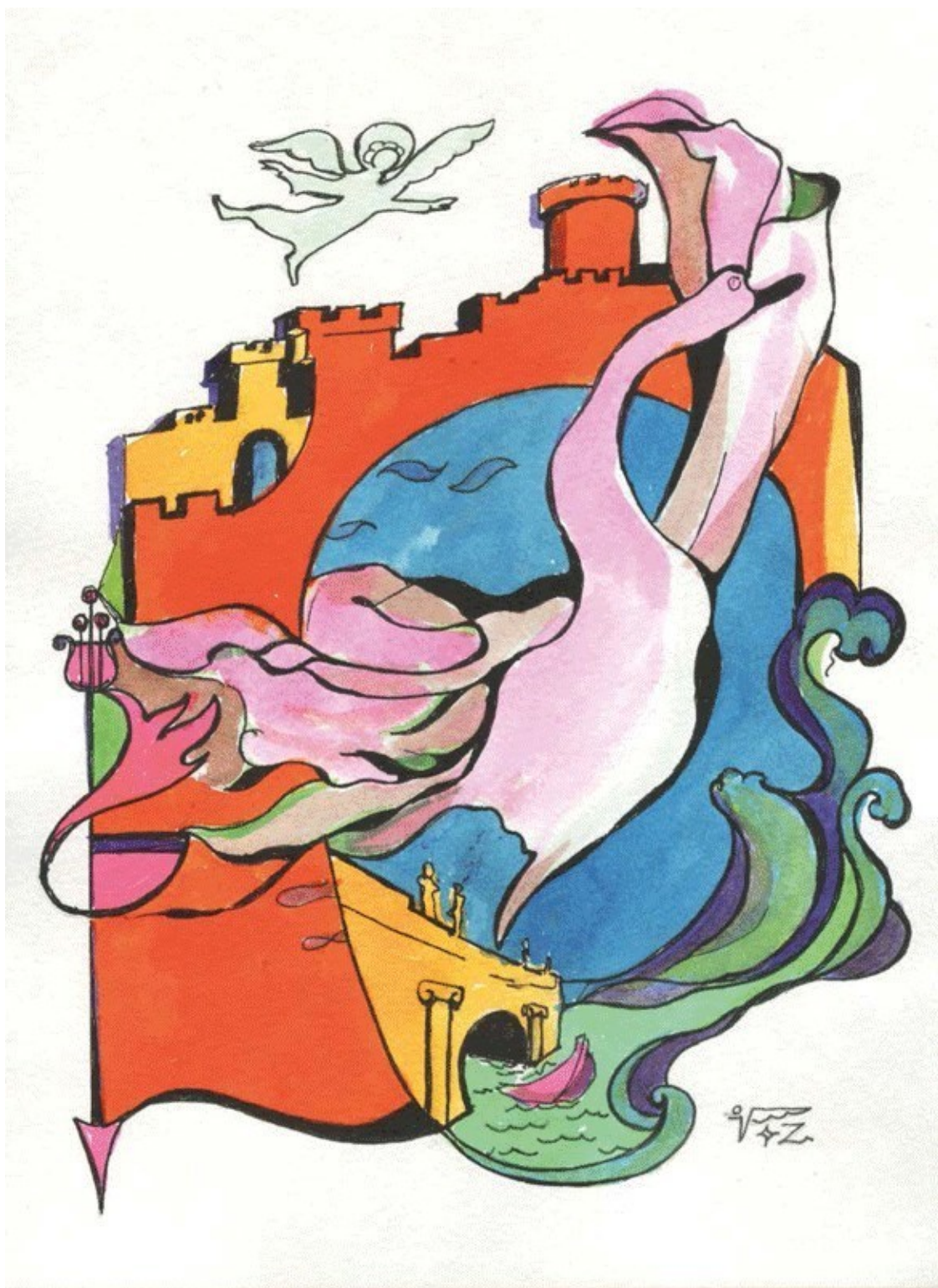
* * *

Море сумрачно и крылато.
Винноцветной пены пиры.
Точно взбалмошные ягнята
Тучи мчатся на склон горы.

Кипарисовый символ веры
Еле слышен сквозь мощный гул.
Шелестят кастаньет химеры —
Ветер пальмы веер встряхнул.

А шуршанье сосен – уютно,
Словно шумный бархат шмеля...

Как вселенской любви минута
Украшает тебя, Земля!

Нетерпение волн в канун явления молнии.
Чёрные силуэты тают на мрачно-сером
Очертании гор. Память пришьёт безмолвие
Накануне грозы тусклым домашним бисером

К возбуждёнью пейзажа, к растроченной втуне радости.
На опушке небесной – жемчужные искры солнца.
Пылкий ливень. Мгновенье – и вспыхнула сочная радуга.
Ливень плывёт стеною. Струя колотится в донце.

* * *

Солнце уже ласкает. Дома уравнили гору
С плоскостью осязания обыденного пространства
Вне покорений, штурма. Писк чайки как скрип калитки,
А силуэт – как ковшик, черпающий зыбь морскую.

Лайнер тихо отчалил. Море о камни плещет.
Сине-белые яхты у причала теснятся.
Рядом на плоском камне юноши чистят рыбу.
Быстротечное время делим на созерцанье.

Ливень пленяет лагуну.
Молний мерцающий срез.
Гор очертания скрылись.
Остров соседний исчез.

Грома спешит колесница,
Слишком слышна и пуста.
Deus ex machine – возница.
Пальмовый жёлоб листа.
Миг – и лагуна чиста.

Как прорицанье Кассандры,
Трепет неясных зарниц.
Призрачные саламандры
Мчатся и падают ниц.

Нежные влажные пинии.
Море серебряно-синее.

...Скалы Далмации, пальчиков тонкие косточки,
Сильных ладошек Земли ногтевые суставы!

В море врезаются, тянутся серой молочной полосочкой
Вдоль островков.
И оркестр, штормового колосса сакральный чин
Вечную славу
Воссоздаёт в колыбани недр величавых...

Нереида

Освободившись от тугой одежды
Далматских гор, она перебирает
Застёжки звёзд морских, кораллов броши
На сборках синей кисеи хитона,
Наброшенного гребешками пены
Изысканно и радостно; а косу
Увенчивает скромным опереньем
Из белых парусов и белых чаек,
Равно легчайших и равно воздушных;
На лоб – возьмет в подарок диадему
Из радуги и изумрудных пиний,
Немного влажных от дождя и счастья:
Все боги щедры к тем, кто восхищает.

И в красоте бескрайнего величья,
Всегда маня, пленяя простотою,
Она в земном обличье пребывает
Доныне, присно и веков вовеки.
Всмотрись, ее черты столь очевидны!

* * *

Гул моря – наслаждение для слуха.
Воздушной пены языки шуршат.
Просторный вход в извилистую бухту
Два маяка бессрочно сторожат.

Один – схватил сияющее солнце,
Второй – пока что в облачной тени.
Раскрылось тучки сумрачное лонце
И сочно тянет солнечный зенит.

Архангел до изнеженного неба
Дотронулся и уронил перо...
И дрожжи скал восходят пышным хлебом,
И наслажденье – цельно и остро.

Вспять – не получится? Пусть. Потекли поперёк
Реки молочные. И молоко зеленело
Цветом надежды. Попутный шумел ветерок,
Время творило Пространство, не зная предела.

Переливается моря молочный смарагд,
Как самородок мечты обитателей суши.
Держит его на ладошке архипелаг.
И киселя концентрат – сохранён, но – иссушен.

* * *

Простор и равновесие покоя,
Никем не нарушаемы извне.
Гармония естественного строя —
Свободная рефлексия приборя
И штиль с неповторимой тишиною
Сквозь шелест бриза в призрачной волне.

Изящный парус, вечный символ смысла
И сути бесконечного пути.
И как бы ни варьировались числа,
И как бы современность ни зависла
В безвременье – вовеки, ныне, присно
Судьбе под белым парусом идти.

Счастливые, мы время собираем
Как вереницу драгоценных льгот.
Весёлые моторы пролетают...
Но след их море быстро замечает,
Великолепье ткани расправляет
И духа платье всякому сошьёт.

Пышные кисти светящихся сосен
Очарованьем жеманным сияют.
Мухи кусают грядущую осень,

Нас с её запахом отождествляют.

Море разгладило резкие складки,
Медленно скрыло следы возбуждения.
Всё – впечатление, всё – наслаждения
Сильные, властные, сладкие.

* * *

Над лагуной плывет улыбка —
Рот и глазки на ярком шарике.
То ли девочка, то ли рыбка
Так сияет в солнечном мареве,

Точно радости нет предела.
Зыбкий стержень шара воздушного,
А в корзине – парнишка смелый,
Улыбается простодушно.

Приземлился удачно.
Кока-колу глотает смачно...

Едва покинешь Европу —
Мечтаешь о возвращении.
Россия – как Пенелопа,
Всегда одарит прощением.

Тут нет и в помине боли
Бесцельного раздражения.
Но – радость, покой и воля,
И ровное пламя рвения.

Здесь – трудно, и труд – почетен,
И нет гордыни излишества.
Здесь человек – как ботик,
Плывущий средь волн неистовых,

К буре всегда готовый, —
Штилю рад, словно отдыху...
Прочность его основы
Твой дух наполняет доверху.

Не оставляешь попытки
Стать мягче, честнее, проще.
...И снова ищешь подпитки
В хаосе доморощенном.

Отрешённо беру соскоб
С коготка мировой истории:
Если море – суть микроскоп,

Рыбы – мелкие инфузории.

И едва ли крупнее – мы,
Но – сложнее. А озабочены,
Между тем, все равно – одним:
Как скорее достичь обочины
И примерить свободы нимб...

С гор мистраль-сорванец обрушается,
С моря – валы петушатся.

Мы, как щепки, колышемся в лоне свободной стихии.

Взбитый ветром фонтанчик воды на стремнине волны
очутился —

И пропал. Смельчаки вдалеке натянули белеющий
парус...

Буревестник летит над волнами. – Вся русская
литература

Вместе с нами любитесь роскошью славы и мощи,
Не постигнутой присно и днесь, но присущей
великому мифу.

Сверху стихия – широкой полоской,
Снизу – рябая, размытая, в крапинку.
Гром еле слышен – почти отголосок.
Молний неярких царапинки.

Цвет у листвы голубой или синий —
Ждёт не дожётся дождика...
Тонкие иглы взъерошенных пиний —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.